

ИНТЕРЬЕР ИСААКИЕВСКОГО СОБОРА В XIX ВЕКЕ: МЕТАМОРФОЗЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПОСЛАНИЯ*

Архитектурные сооружения не только организуют физическое пространство, но и выступают средством коммуникации, транслируя смыслы, закладываемые в них при проектировании и строительстве. Однако с течением времени под влиянием обстоятельств социально-политического контекста и конкретных акторов символическое значение памятников зодчества может изменяться. Такие трансформации рассматриваются специалистами в области исторической памяти и символической политики. По замечанию современных исследователей, особый интерес представляет «изучение логики символических действий» институциональных акторов (государства, церкви), обладающих властными и организационными ресурсами для закрепления в публичном пространстве нужных им интерпретаций¹. Одним из интерпретативных инструментов, отражающих специфику символической политики в публичном пространстве, являются памятники церковной архитектуры.

Исследовательский интерес к проблемам трансформации символического значения церковных построек не слишком велик. По-видимому, одной из первых работ, анализирувавших подобные — весьма кардинальные — перемены в судьбе храма, стал знаменитый очерк М. Озуф о французском Пантеоне². Символизм древнерусских церквей оказывался в поле зрения ученых³, но символическим программам отечественных

* Статья написана при финансовой поддержке РФФ, соглашение № 21-48-04402 от 17.11.2020 «Святые и герои: От христианизации к национализму: Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

¹ *Малинова О. Ю., Миллер А. И.* Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: Сборник статей. СПб., 2021. С. 12.

² *Озуф М.* Пантеон: Эколь Нормаль мертвых // Франция — память. СПб., 1999. С. 151–185.

³ *Лихачев Д. С.* Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1985. С. 17–23.

храмов Нового времени внимание уделялось реже⁴. Из числа петербургских церковных сооружений в таком ракурсе рассматривался Петропавловский собор⁵. Несомненный интерес представляет и анализ символического послания крупнейшего по размерам и богатству внутренней отделки петербургского православного Исаакиевского собора.

Попытки выявить и проанализировать символическое значение Исаакиевского собора предпринимались в литературе⁶. Однако авторы немногочисленных исследований ограничивались обращением к замыслам создателей здания, к идеям и смыслам, которые находили воплощение в оформлении храма до его освящения, оставляя за пределами своих штудий проблемы эволюции его символического послания. Между тем символические изменения, происходившие, главным образом, в интерьере храма, отражают не только процесс перманентной актуализации Исаакиевского собора как политического пространства, но и сдвиги в церковно-государственных отношениях в России второй половины XIX в.

Освященный в 1858 г. в честь святого Исаакия Далматского, день памяти которого совпадал с датой рождения Петра Великого, собор перестраивался в Николаевскую эпоху и должен был выступать не только памятником первому российскому императору, но и его царственному потомку. По замечанию Р. Уортмана, «Николай искал <...> современных выражений привязанности монарха к национальной культуре», архитектура оказалась одной из форм «демонстрации национальных свойств монархии»⁷, и интерьер храма стал зримым воплощением принятой доктрины «православие — самодержавие — народность». Поскольку строительное дело входило в круг личных интересов Николая I и «ни одно общественное здание в России не возводилось без его ведома»⁸, создание внутреннего убранства Исаакиевского собора также проходило под постоянным контролем царя.

По воле монарха летом 1839 г. проект внутренней отделки собора поручено было составить баварского зодчему Лео фон Кленце. Передать ему нужные «сведения относительно духовного обряда по предмету расположения внутренней части здания, сообразно правилам нашей веры», должен был протоиерей Малов⁹. При первом же обращении к проблеме декора строившегося здания подчеркивалась необходимость учитывать традиции православия. В представленном два года спустя проекте Кленце,

---

⁴ Можно отметить работы обобщающего характера, в которых проблематика символических трансформаций храмов имперского периода в советское время находит частичное отражение: *Каулен М. Е.* Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001; *Kelly C.* Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. DeKalb, 2016.

⁵ *Трофимов С. В.* Семантическое поле Петропавловского собора (к постановке проблемы) // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. СПб., 1994. С. 38–55.

⁶ *Толмачева Н. Ю.* Исаакиевский собор. СПб., 2003. С. 97–108; *Ананьев В. Г.* К семиотике создания Исаакиевского собора // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 289–295.

⁷ *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 496–497.

⁸ *Пресняков А. Е.* Николай I. Апогей самодержавия // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 315.

⁹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1250. О составлении проекта внутреннему украшению собора. Л. 4.

стараясь учесть и специфику православных церквей, и пожелания императора, сравнивает Исаакиевский собор с существующими или существовавшими прежде храмами других конфессий и даже религий. Так, по примеру собора Св. Петра в Риме архитектор предлагает исполнить карниз антаблемента из искусственного мрамора, а по сторонам царских врат установить покрытые накладным малахитом колонны, которые «по капителям своим, составленным из пальмовых листьев и гранатовых плодов, подобны двум колоннам в Храме Соломона»¹⁰. Такая «генеалогия» элементов интерьера на символическом уровне помещала бы Исаакиевский собор в ряд мировых общехристианских святынь. Особое внимание Кленце уделил главному иконостасу собора, стремясь «исполнить высочайшую Его Императорского Величества волю устроить иконостас, который бы по расположению своему, величию и форме составил не отдельную часть всей архитектуры храма, и избежать чрез то устройства альков <...>. Необходимо нужно занять одним иконостасом всю ширину церкви»¹¹. Зодчий подготовил список из 48 образов, которые следовало разместить в иконостасе, все иконы сугубо каноничные — изображения пророков, апостолов, архангелов.

Этот проект рассматривался ведавшей строительством Комиссией о построении собора в июне 1841 г. и побудил автора проекта самого здания — архитектора О. Монферрана — не только прокомментировать предложения баварца, но и представить собственный вариант оформления храма¹². Вероятно, рассчитывая получить одобрение своего проекта со стороны Комиссии и монарха, Монферран выдвинул идею¹³, определившую весь характер интерьера собора в дальнейшем. В специальном «Описании изображений святых, содержимых в иконостасе <...> для большого кафедрального Исаакиевского собора», архитектор предложил занять первый ярус иконостаса «изображениями Ангелов Хранителей всех Державных Строителей Исаакиевского собора, от первоначального его основателя до благополучно царствующего довершителя». Первая Исаакиевская церковь появилась в Петербурге еще при Петре I, и его преемники на престоле, не раз перестраивая церковь, символически поддерживали память об императоре.

Монферран перечислил святых, изображения которых должны быть: по правую сторону от царских врат следовало изобразить апостола Петра, святого Исаакия Далматского, святую великомученицу Екатерину; по левую — апостола Павла, «святого архиепископа Николая, Мир-Ликийского и всея России чудотворца», святого благоверного князя Александра Невского¹⁴. Изображения св. Исаакия и св. Николая оказывались расположены симметрично, на равном отдалении от царских врат, но с разных от них

---

¹⁰ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1250. Л. 48–49 об.

¹¹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1250. Л. 46 об.

¹² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1250. Л. 57–75 об. — Подробно о проектах Кленце и Монферрана см.: *Никитин Н. П.* Огюст Монферран. Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны. Л.: ЛОССА, 1939. С. 143–148; *Шуйский В. К.* Огюст Монферран. История жизни и творчества. СПб.; М., 2005. С. 244–252.

¹³ Эту идею О. Монферрана отмечали в историографии, не связывая ее, правда, с генезисом символического послания всего собора в Николаевское царствование: *Добадаева Е. В.* «...Заведение таковое усугубит славу государя и государства» // Кафедра: Сборник научных статей. Вып. IV: Исаакиевский собор между прошлым и будущим. СПб., 2008. С. 348–349, 351.

¹⁴ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1250. Л. 101–101 об.

сторон. Посредством такого изображения святых-покровителей Николай I символически как бы «уравновешивался» со своим прославленным предком.

Во втором ярусе, по мысли Монферрана, следовало изобразить «Ангелов Хранителей всего Императорского Дома». Примечательно, что в центральной части, ближе всего к царским вратам, но по разные стороны от них, архитектор намечал поместить в этом ярусе изображения святой Марии Магдалины и святой царицы Александры¹⁵. Эти святые могли считаться небесными патронами матери, супруги и дочерей Николая I¹⁶. В январе 1843 г. император одобрил предложения Монферрана по созданию внутреннего убранства¹⁷.

Идея насыщения интерьера собора образами небесных покровителей членов царской фамилии вскоре получила свое развитие. В мае 1843 г. К. П. Брюллов, которому предстояло расписывать плафон главного купола, предложил изобразить на всем его пространстве «молитвенный сонм святых, соименных царствовавшим в России особам Дома Романовых», что придало бы собору вид, «согласный с <...> высокою целью самого памятника» (курсив наш. — О. Л.)¹⁸. Художник артикулировал определивший специфику внутреннего убранства храма-памятника умысел, разделявшийся создателями собора в Николаевскую эпоху. Это символическое послание храма, прославлявшего династию и монархию, проявлено и в наименовании приделов — в честь св. Екатерины и св. Александра Невского; и в многочисленных росписях в люнетах и на плафонах, посвященных св. Исаакию Далматскому, св. Февронии (день ее памяти — день рождения Николая I), св. Александру Невскому, св. князю Владимиру, св. Сергию Радонежскому, святителю Петру, митрополиту Московскому; и в декоре бронзовых рельефов дверей, раскрывающих истории апостолов Петра и Павла, св. Николая Чудотворца, св. Исаакия Далматского, св. князя Владимира, св. Александра Невского и украшенных изваяниями великомученицы Екатерины, св. мученицы Февронии, св. мученицы царицы Александры, Марии Магдалины, св. царя Константина и т. д.¹⁹ Вероятно, наибольшим «коммуникативным потенциалом» для передачи символического сообщения обладал, как и предполагал Монферран, главный иконостас собора.

История выбора святых, изображения которых необходимо было поместить в первом и втором ярусах иконостаса, отражает особенности взаимодействия церковных и сугубо светских акторов в процессе создания символически цельного интерьера Исаакиевского

---

¹⁵ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1250. Л. 102–102 об.

¹⁶ Дочь известного архитектора, мемуаристка Е. Н. Львова указывала, что после смерти дочери императора великой княгини Александры Николаевны в 1844 г. «Преображенские офицеры пожелали сделать образ Царицы Александры и поставить его у себя в казарме». Образ был исполнен К. П. Брюлловым с таким изяществом, что «Государь сам пленился этим образом, и офицеры пожертвовали им царю. Его Величество приказал сделать моленную в той комнате, где скончалась Великая Княгиня, в Царском, и образ Царицы Александры там поставил». См.: *Львова Е. Н.* Рассказы, заметки и анекдоты, из записок // Русская старина. 1880. № 8. С. 799–800.

¹⁷ Поддержку разработанного Монферраном проекта обусловили и спорные предложения Кленце инженерно-технического характера, которые встретили возражения членов Комиссии о построении собора.

¹⁸ Цит. по: *Толмачева Н. Ю.* Исаакиевский собор. С. 90.

¹⁹ Подробнее см.: *Серафимов В. И., Фомин М. И.* Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам. СПб., 1865. С. 52–81.

собора в условиях самодержавия. В соответствии с утвержденными в 1843 г. Комиссией о построении собора во главе с князем П. И. Волконским условиями работы художники подготавливали эскизы на сюжеты, заранее определенные Святейшим Синодом, и предоставляли их «на усмотрение государя»²⁰.

В декабре 1843 г. живописцу Т. Неффу было поручено написать, среди прочего, шесть икон для первого яруса, изображающих «св. Исаакия Далматского, св. архиепископа Николая Мир Ликийского, св. Первоверховных апостолов Петра и Павла, св. благоверного великого князя Александра Невского, св. Великомученицу Екатерину, св. Пророчицу Анну»²¹. Весной 1844 г. выяснилось, что Синод, вероятно, придерживаясь мысли о необходимости разместить в первом ярусе иконы только святых-покровителей монархов, при которых строились Исаакиевские церкви в XVIII–XIX вв., не включал в программу работ Т. Неффа образ святой Анны. При императрице Анне Иоанновне, с которой мог быть соотнесен этот образ, перестройка Исаакиевской церкви не шла. Однако образ святой Анны «Государь Император назначить соизволил»²². Желание Николая I имело большее значение, чем позиция Синода. Загвоздка состояла в том, что образ святой пророчицы Анны в паре со святой праведной Елизаветой был прежде назначен Синодом для исполнения во втором ярусе главного иконостаса.

Комиссия о построении собора, стремясь удовлетворить интересы и церковной и верховной власти, 20 апреля 1844 г. решила истребовать у Синода сведения, «может ли быть допущено написание в одном иконостасе двух изображений одинаковых». Заранее предполагая, что такой практики нет, и рассчитывая удовлетворить, в первую очередь, пожелания монарха, Комиссия прямо поинтересовалась у Синода, «не будет ли приличнее образ св. Анны, назначенной во 2-м ярусе большого иконостаса, заменить другим по усмотрению Синода»²³. Самой постановкой вопроса Комиссия однозначно дала понять, что мнение императора — определяющее, его нельзя не учесть. Потому Комиссия обратилась и к Монферрану, без обиняков попросив «сообразить, какая икона может быть помещена во 2-м ярусе вместо предположенной св. Пророчицы Анны и праведной Елисаветы <...> Не может ли быть написана одна Елисавета». Архитектор, сославшись на мнение епископа Полтавского и Переяславского Гедеона, ответил: «Можно во 2 ряду большого иконостаса написать Феодора Стратилата *в память дня рождения родоначальника Августейшего Дома Романовых* (курсив наш. — О. Л.)», добавив, что образ св. Феодора «может быть написан вместе с святою Елисаветою»²⁴.

В конечном итоге Т. Неффу не пришлось исполнять икону св. Феодора: изображения апостолов Петра и Павла не могли быть помещены на один небольшой холст, потому (по разрешению императора) были исполнены две различные иконы, и место для отдельного образа св. Анны в первом ярусе оказалось занято. Однако та легкость, с которой и Синод, и Монферран безоговорочно приняли пожелание Николая I поместить образ св. Анны в первый ряд, свидетельствует о том, что соответствие изображенных на иконах первого яруса святых монархам-строителям собора не было

²⁰ Никитин Н. П. Огюст Монферран. С. 155, 333–334.

²¹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1257. О написании св. икон для первого ряда главного иконостаса академиком Неффом. Л. 4.

²² РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1257. Л. 18.

²³ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1257. Л. 19.

²⁴ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1257. Л. 21, 23, 27.

безусловной целью ни для архитектора, ни для церковных иерархов, ни для царя. Иконостас прославлял предшественников императора не столько как причастных к истории Исаакиевского собора, а как имеющих своих небесных покровителей, подчеркивал символическую связь царской и божественной власти²⁵, выступал важнейшим элементом «возникающего культа династии»²⁶.

Этот культ получил свое выражение и посредством образов второго яруса главного иконостаса. В первом официальном подробном описании храма оговаривалось, что святые, изображенные в ярусе, «суть Ангелы хранители прочих Членов Царствующего дома»²⁷. Рекомендованный Монферраном художник Ф. П. Брюллов представил на утверждение императора эскизы икон «Царь Константин и мать его Царица Елена», «Великий князь Владимир и княгиня Ольга», «Мария Магдалина и царица Александра», «Никола Святоша», «Пророчица Анна и Праведная Елизавета», «Архангел Михаил»²⁸. 17 декабря 1843 г. эскизы были «удостоены Высочайшего утверждения», однако Николай I внес в перечень изображаемых святых коррективы, коррелирующие с общим символическим посланием храма.

Император недоумевал, «для чего назначен Никола Святоша, *ибо Тезоименитство Государя Великого Князя Николая Николаевича в день Св. Николая Праведного Новгородского*» (курсив наш. — О. Л.)²⁹. Размещаемый в иконостасе образ должен был однозначно соответствовать святому-покровителю отпрыска монарха. К сожалению, на данный момент сложно сказать, как именно выглядел эскиз Ф. П. Брюллова.

На что обратил внимание Николай I, сопровождалась ли изображенная фигура надписью, или же сам облик Николы Святоши вызвал протест императора? 27 апреля 1847 г. царь утвердил новый вариант эскиза Ф. П. Брюллова под названием «Св. Николай ради Христа Юродивый Новгородский Кочаный»³⁰. Использованный императором эпитет «Праведный» в новом названии оказался заменен на «Юродивый». Исполненная по этому эскизу живописная икона, вероятно, не сохранилась, в отличие от ее подробного описания. Итак, Ф. П. Брюллов изобразил фигуру «с молитвенно-распростертыми руками». «Волосы и борода его седые, голова — с лысиной. На нем коричневая ряса, подпоясанная белым полотенцем с узорчатыми концами. У босых его ног лежит на полу посох. <...> [Над фигурой надпись] “Святый блаженный Николай Кочанов”»³¹. Побывавший в Исаакиевском соборе сразу после его освящения французский путешественник Т. Готье также описал эту икону с изображением святого «в грубой

²⁵ Показательно, что в 1848 г. по особому повелению Николая I в первом ярусе иконостаса тот же Т. Нефф изменил первоначально задуманный «гладкий и покрытый позолотой» фон у икон Богоматери и Спасителя. Художник дополнительно изобразил «архитектурные украшения и два трона», что символически как бы «сблизило» божественную власть с царской, подчеркнуло их схожесть. См.: РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1257. Л. 90 об.

²⁶ Уортман Р. Сценарии власти. С. 415.

²⁷ Серафимов В. И., Фомин М. И. Описание Исаакиевского собора... С. 76.

²⁸ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1258. О написании св. икон для второго ряда главного иконостаса академиком Брюлловым. Л. 5.

²⁹ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1258. Л. 7.

³⁰ РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1258. Л. 11 об.

³¹ Сомов А. И. Картинная галерея Императорской Академии художеств: В 2 т. Т. 1: Каталог оригинальных произведений русской живописи. СПб., 1872. С. 129.

монашеской рясе». Этот образ запечатлела и сохранившаяся фотография иконостаса³².

Ф. П. Брюллов изобразил небесного покровителя великого князя Николая Николаевича босоногим, седобородым, лысым старцем. На наш взгляд, это решение шло вразрез с эстетикой и символическим посланием интерьера, сообщавшим о гармоничной симфонии христианства и монархии, династии и церкви. Во всяком случае, в 1861 г. в ходе работ по замене живописных оригиналов образов иконостаса их мозаичными копиями³³ Александр II не стал скрывать своего недовольства иконами кисти Ф. П. Брюллова, отметив, что они «написаны слишком слабо и небрежно для того, чтобы их существование увековечить мозаикою»³⁴. Мозаичный вариант иконы, содержащий новый вариант надписи — «Св. Юродивый князь Новгородский Николай Кочанов» (курсив наш. — *О. Л.*), был набран в 1866 г. по оригиналу художника А. Е. Бейдемана³⁵. На изображенном на иконе святом «темно-красный охабень с золотыми узорами на груди и по краю длинных рукавов», в руке святого «украшенная цветными камнями шапка темного цвета с меховой опушкой»³⁶. Новое художественное решение более соответствовало той роли, которую призван был играть образ, запечатлевший небесного покровителя брата российского монарха.

Императоры Николай I и Александр II уделяли внутреннему убранству Исаакиевского собора повышенное внимание, настаивая на неразрывном символическом единстве монархического и церковного «прочтения» интерьера. Фиксации этого в значительной степени именно монархического ракурса интерпретации памятника способствовала в середине XIX в. система управления собором. С 1864 г. «высший надзор и заведывание всем, что касается наружного и внутреннего благоустройства здания собора», было (в связи с ликвидацией Комиссии о построении собора) предоставлено Главному управляющему путями сообщения и публичными зданиями, который назначал инспектора и архитектора собора, составлявших наряду с определенными министром императорского двора тремя представителями Академии художеств Технико-Художественное Совещание³⁷ для ежемесячного «технико-художественного осмотра здания»³⁸. Какие-либо ремонтно-реставрационные работы финансировались по сметам Главного управления, а расходы на содержание причта, хора и проведение богослужений осуществлялись по сметам Синода. Если распоряжения инспектора собора касались «части церковной», то он обязан был «входить в соглашение» с

³² Подробнее см.: Любезников О. А. Исаакиевский собор: малоизученные вопросы истории создания храма (по новым архивным данным). СПб., 2015. С. 38–66.

³³ Вряд ли можно считать случайностью, что из всех икон второго яруса главного иконостаса собора в мозаику первым решено было начать переводить образ святых Марии Магдалины и царицы Александры, специально для того переписанный художником Джованни Бузато уже к концу марта 1860 г. См.: РГИА. Ф. 789. Оп. 3. 1860 г. Д. 52. О поручении иностранному художнику Бузато переписать некоторые образа Исаакиевского собора. Л. 1.

³⁴ РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 892. Об исполнении образов из мозаики. Л. 72 об.

³⁵ РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 892. Л. 9; Ф. 789. Оп. 21. 1861 г. Д. 10. Об изготовлении мозаичных образов для Севастопольского храма и Исаакиевского собора. Л. 14.

³⁶ Сомов А. И. Картинная галерея... С. 139.

³⁷ Наименование органа окончательно закрепится с 1878 г.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собрание 2-е. Т. XXXIX. СПб., 1867. № 41368.

настоятелем храма, спорные ситуации рассматривал Главноуправляющий³⁹. В 1871 г. место Главноуправляющего и самого Главного управления в вышеописанной и сохранявшейся впредь схеме управления Исаакиевским собором заняли министр и министерство внутренних дел⁴⁰. Таким образом, в 1860-е – 1870-е гг. контроль за состоянием памятника был сосредоточен в гражданских ведомствах.

Имевшие в этот период место «символические интервенции» в интерьер собора отражали особый статус храма, по-настоящему значимого для монархии. Так, в честь освящения храма от Синода в собор были переданы полученные от Иерусалимского патриарха еще за 25 лет до того христианские реликвии — «крест с животворящим деревом Креста Господня и часть мощей Св. Апостола Андрея Первозванного». В свою очередь Александр II пожаловал в собор два образа св. Исаакия Далматского (мозаичный и из слоновой кости, они стали храниться рядом со святынями от Иерусалимского патриарха), икону «Нерукотворенного образа Спасителя, пред которою молился первый основатель собора Петр Великий». В 1864 г. царь передал еще одну икону св. Исаакия и образ «с ликами святых: Святителя Николая, Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского и Св. Равноапостольной Марии Магдалины, в серебряном позолоченном окладе»⁴¹. Состав изображенных святых позволяет предположить, что Александр II сознательно пополнял собор образами, соответствующими символической программе своего отца. В память о Николае I в соборе были размещены «четыре знамени Государственного Подвижного Ополчения 1855 года», украшенные вензелевым изображением имени покойного монарха и девизом «За веру, Царя и отечество»⁴². Интерьер собора к исходу царствования Александра II оставался символом церковно-монархического единения.

Можно предположить, что пришедшийся на рубеж 1870-х – 1880-х гг. внутривластный кризис, развернувшаяся борьба за влияние и власть в правительственных верхах между так называемыми «охранителями» (умеренными консерваторами, близкими к славянофильству) и представителями «официозного, этатистского ультраконсерватизма победоносцевско-катковского типа»⁴³ и, конечно, воцарение нового монарха повлияли на характер управления Исаакиевским собором. Изменения в системе заведования храмом вызвали трансформацию его символического значения.

Роль министерства внутренних дел в управлении собором была показательно подчеркнута принятыми 5 января 1878 г. «Правилами для руководства по заведыванию зданием С.-Петербургского Кафедрального Исаакиевского собора и его принадлежностями». «Правила» сущностно не отличались от порядка управления храмом, утвержденного еще в 1864 г., но состоящий из инспектора, архитектора и смотрителя экспертно-надзорный орган, непосредственно осуществлявший обследования состояния убранства, официально получил наименование Техническо-Художественного Сопровождения и обязан

---

³⁹ ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XXXIX. СПб., 1867. № 41368.

⁴⁰ ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XLVI. СПб., 1874. № 49192.

⁴¹ *Серафимов В. И., Фомин М. И.* Описание Исаакиевского собора... С. 87–92.

⁴² *Серафимов В. И., Фомин М. И.* Описание Исаакиевского собора... С. 97–98.

⁴³ *Дубенцов Б. Б. М. Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880–1881 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича.* СПб., 2003. С. 68.

был направлять свои заключения в министерство⁴⁴. Тогда же, в 1878 г., великий князь Александр Александрович, наследник престола, «возглавил Особое совещание по поводу издания “дешевых книг для чтения народа с целью ограждения его от злонамеренной пропаганды”. Они должны были “служить к укреплению в народе религиозных и верноподданнических чувств, к поднятию нравственности”. Издавать их было решено “под высшим наблюдением министров внутренних дел, народного просвещения и шефа жандармов при участии лиц, вполне знающих быт и объем понятий народа и хорошо владеющих народным языком”. На расходы для этой цели было ассигновано 5000 руб. в год»⁴⁵.

В том же 1878 г. старостой Исаакиевского собора стал состоявший по министерству внутренних дел, в апреле того года произведенный в генерал-майоры Е. В. Богданович⁴⁶. Им было начато распространявшееся бесплатно массовое издание «Кафедра Исаакиевского собора», печатавшее, главным образом, проповеди священнослужителей и другие тексты «для пропаганды монархических идей»⁴⁷. Тираж выпуска брошюры, посвященной гибели Александра II, по признанию самого Е. В. Богдановича, должен был достичь 400 тысяч экземпляров благодаря «материальной помощи, оказанной <...> одним доброхотным жертвователем»⁴⁸. На обложке выпуска было размещено изображение опоясанного терновым венцом Исаакиевского собора, а напечатанный «очерк для народного чтения» «Жизнь Царя-Мученика» прямо напоминал о «небесном покровителе» усопшего монарха: «Велик древний труженик на благо русского народа — святой благоверный великий князь Александр Невский. Тем же путем прошел в жизни носивший его имя Страдалец за веру против безбожников, за тишину и благо родной страны...»⁴⁹ Образ погибшего от рук бомбистов императора соотносится с образом Александра Невского, модель «царь и его небесный покровитель», актуальная при Николае I, еще сохраняет свое значение.

Однако представление об интерьере собора как о пространстве спаянности монархии и православия с начала 1880-х гг. постепенно исчезает даже со страниц специальных изданий. Так, Е. В. Богданович, исполнявший «некоторые особые поручения» по министерству внутренних дел и получавший за это жалованье в 4000 рублей в год (по ходатайству М. Т. Лорис-Меликова)⁵⁰, как соборный староста в 1883 г. подготовил книгу к 25-летию с момента освящения храма. При описании главного иконостаса автор

⁴⁴ РГИА. Ф. 502. Оп. 4. Д. 4. Правила для руководства по заведыванию зданием Санкт-Петербургского Исаакиевского собора. Л. 1–1 об.

⁴⁵ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Вып. 12. Исследования по социально-политической истории России: Сб. ст. памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 311.

⁴⁶ *Друзин М. В.* Е. В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 99–100.

⁴⁷ *Стогов Д. И.* Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию. М., 2012. С. 505.

⁴⁸ *Богданович Е.* От издателя // Кафедра Исаакиевского собора. 1881. Вып. XXXII. С. 31. — Авторы современных работ о Е. В. Богдановиче не заостряют внимание на вопросах финансирования его издательской деятельности.

⁴⁹ *Жизнь Царя-Мученика: очерк для народного чтения* // Кафедра Исаакиевского собора. 1881. Вып. XXXII. С. 25.

⁵⁰ *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 193.

сообщал, что изображенные святые — «соименные Царственным Особам, усердно заботившимся об устройстве» собора, перечислял их, не называя Павла I, и пояснял, что изображения «служат благодарным памятником усопшим строителям и радетелям Храма»⁵¹. Акцент при раскрытии символического послания иконостаса смещался — иконы сообщали уже не столько об Августейшем Доме Романовых, сколько о процессе создания Храма. Была скорректирована и трактовка плафона главного купола, на котором оказались изображены «наша усердная Заступница Матерь Божия; она *молится за русский народ*», <...> на остальном обширном пространстве, святые лица, — хранители членов Августейшего Дома и, в то же время, *ходатаи пред Богоматерью за всех нас русских*» (курсив наш. — *О. Л.*)⁵². Предложенная новая интерпретация придавала внутреннему убранству актуальное социально-политическое звучание.

Дальнейшее «перекодирование» символически нагруженного интерьера интенсифицировалось после 1883 г., когда в механизме управления собором произошли изменения. Еще в конце февраля 1882 г. в связи с приближавшимся окончанием работ по возведению московского храма Христа Спасителя предметом обсуждения Департаментов Государственной Экономии и Законов Государственного Совета стал вопрос о распространении на новый храм порядка управления, действовавшего в отношении Исаакиевского собора. Министр внутренних дел Н. П. Игнатьев и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев не только выступили против, но и отметили «неудобства» существующей системы заведования Исаакиевским собором, когда «ближайшие заботы о благоустройстве собора разделяются между его причтом и состоящею при нем особою инспекцією». Сановники сетовали на то, что «подчинение непосредственных распорядителей делами собора двум отдельным ведомствам и ассигнование сумм на содержание его по двум различным сметам (по Министерству Внутренних Дел и ведомству Святейшего Синода) лишают управление необходимого единства и чрезвычайно затрудняют наблюдение за правильным расходованием упомянутых сумм». Главы обоих ведомств полагали возможным и желательным передать Исаакиевский собор «в безраздельное распоряжение духовного ведомства», чтобы поставить храм в условия, отвечающие его «*важному религиозному значению*» (курсив наш. — *О. Л.*)⁵³. Мемориальное значение собора как памятника Петру I, династии Романовых и монархии ретушировалось, попытка пересмотра символической роли собора имела место.

Подготовка решения о новом порядке управления собором, однако, несколько затянулась. В мае 1882 г. кресло министра внутренних дел занял являвшийся с 1865 г. на протяжении 15 лет обер-прокурором Синода Д. А. Толстой, который критически оценивал деятельность К. П. Победоносцева на столь знакомом ему посту: «Победоносцев — делегат попов или, правильнее, монахов, перед правительством, а не правительства у духовной власти»⁵⁴. Возможно, именно аппаратный вес Д. А. Толстого не позволил реализовать разделявшуюся К. П. Победоносцевым инициативу полностью.

---

⁵¹ Богданович Е. В. Исаакиевский собор. 1858–1883. СПб., 1883. С. 24.

⁵² Богданович Е. В. Исаакиевский собор. С. 36.

⁵³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 836. Об отпуске средств на содержание Исаакиевского кафедрального собора в Санкт-Петербурге и передаче здания Исаакиевского собора и храма Христа Спасителя в Москве из ведения МВД в ведение Синода. Л. 30–30 об.

⁵⁴ Цит. по: Полунов А. Ю. Победоносцев: русский Торквемада. М., 2017. С. 218.

25 мая 1883 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного Совета «О порядке заведывания кафедральными соборами Исаакиевским в С.-Петербурге и Христа Спасителя в Москве»⁵⁵. Для заведования хозяйственной частью и денежными средствами, отпускаемыми по сметам Синода, в Исаакиевском соборе создавалось Хозяйственное управление, объединившее настоятеля, ключаря, старосту⁵⁶ и назначавшихся министерством внутренних дел архитектора и смотрителя; председателем Хозяйственного управления являлся настоятель, вопросы должны были решаться большинством голосов. Техническо-художественный надзор за зданием остался в ведении Техническо-Художественного Совещания, вознаграждение его членов (инспектора работ, архитектора, смотрителя и приглашаемых в случае надобности специалистов Академии художеств) и капитальный ремонт собора должны были осуществляться, как и прежде, по сметам министерства внутренних дел.

Хотя церковная власть в соборе получила организационное правовое оформление, идея полной передачи здания в ведение Синода не воплотилась в жизнь. Описывавший позже эти события архитектор М. Т. Преображенский подчеркивал, что принципиальную роль в сохранении техническо-художественного надзора за структурами министерства внутренних дел сыграло принятие во внимание «*Высочайше выраженной Воли перед освящением Исаакиевского собора, [и] дальнейших забот о нем Державных Строителей*» (курсив наш. — О. Л.)⁵⁷. Монархическая составляющая образа собора препятствовала формальной передаче храма-памятника в Духовное ведомство. Утвержденный в 1883 г. порядок заведования собором обусловил тесное взаимодействие Хозяйственного управления и Техническо-Художественного Совещания по вопросам, касавшимся любых изменений в интерьере храма.

Во второй половине 1880-х – 1890-е гг. изменения во внутреннем убранстве собора, в том числе дополнительно вводимые предметы, корректировали общее символическое послание интерьера. С некоторой осторожностью можно заключить, что при сохранявшемся стремлении актуализировать пространство храма монархическая — характерная для середины XIX в. — интерпретация памятника по большому счету уступала место церковной. К примеру, в 1887 г. новый настоятель собора протоиерей Петр Смирнов ходатайствовал перед Техническо-Художественным Совещанием о переносе ближе к алтарю из западной части храма плащаницы, «так как она *особенно пред другими священными изображениями чтится православными*» (курсив наш. — О. Л.)⁵⁸. В 1889 г. (по ходатайству графа Н. П. Игнатьева, поддержанному

⁵⁵ ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. III. СПб., 1886. № 1600.

⁵⁶ Е. В. Богданович как староста сознательно уклонился от участия в первых заседаниях Хозяйственного управления, «посланный ему указ консистории о введении нового управления возвратил и в слушании указа не подписался», «отчета о денежных суммах собора» не дал и выехал из Петербурга ранней осенью 1883 г. С января 1884 г. был назначен новый соборный староста С. Смуров. См.: РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 1044. Протоколы заседаний Хозяйственного по собору управления 1883–1900 гг. Л. 1, 2–2 об., 4.

⁵⁷ Преображенский М. Т. Отчет по командировке собранием Академии художеств в междуведомственную комиссию по Исаакиевскому собору для выяснения необходимого ремонта по зданию и исчислению потребных на то средств. СПб., 1911. С. 4.

⁵⁸ РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 811. Акты Техническо-Художественного Совещания 1882–1887 гг. Л. 216.

настоятелем, и с согласия Техническо-Художественного Совещания) в правом приделе собора была установлена хоругвь «ко дню 900-летия празднования Крещения Руси»⁵⁹. В предпринятом Синодом в 1888 г. юбилейном издании о соборе перечислялись иконы главного иконостаса, но о том, что изображены «небесные покровители» Романовых, не было сказано ни слова. Напротив, после краткого описания внутреннего убранства отмечалось: «Но если Исаакиевский собор имеет такое важное значение как свидетель целой эпохи искусства и столь замечателен как собрание великих художественных произведений, то он несравненно более замечателен и дорог как первенствующий храм столицы»⁶⁰. Церковная интерпретация интерьера отразилась на форме почитания Романовых в соборе.

13 марта 1889 г. настоятель уведомил Техническо-Художественное Совещание о скором размещении в соборе нового образа «в память избавления Их Императорских Величеств 17 октября 1888 г. от грозящей опасности» и ходатайствовал об избрании места для него в пространстве храма⁶¹. Члены Техническо-Художественного Совещания пришли к выводу, что «для постановки образа <...> было бы самым удобным и почетным местом то, которое в настоящее время занято кафедрой для проповеди» и предложили перенести кафедру «к юго-западному или северо-западному пилонам»⁶². Подобный перенос, предложенный профессиональными архитекторами⁶³, которые должны были сохранять Исаакиевский собор, абсолютно соответствовал прежней интерпретативной модели храма как памятника единению самодержавия и православия «на условиях монархии». Согласно этой логике, икона в честь спасения царской семьи в железнодорожной катастрофе в Борках могла обоснованно заместить выигрышно расположенную перед иконостасом церковную кафедру⁶⁴. Однако в реалиях конца 1880-х гг. перенесения кафедры не произошло, и икона, изображающая не святых-покровителей императора и членов его семьи, а Спасителя, была установлена рядом с кафедрой⁶⁵.

Изменения, происходившие в интерьере Исаакиевского собора на рубеже XIX–XX вв., свидетельствовали о забвении предложенной в Николаевское царствование модели восприятия храма и отражали более глубокие перемены в церковно-государственных отношениях в целом. Крупнейший исследователь истории Православной Российской Церкви Г. Фриз констатирует «разочарование высшего духовенства в самодержавии»⁶⁶

⁵⁹ РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 812. Акты Техническо-Художественного Совещания 1888–1890 гг. Л. 111 об.

⁶⁰ Исаакиевский кафедральный собор в Санктпетербурге // Прибавления к Церковным ведомостям. 1888. 28 мая. № 22. С. 585, 586–587.

⁶¹ РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 812. Акты. Л. 71–71 об.

⁶² РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 812. Л. 72.

⁶³ Членами Техническо-Художественного Совещания были, как правило, именно архитекторы.

⁶⁴ Члены Техническо-Художественного Совещания допускали, правда, что перестановка кафедры может нарушить церковные правила, но иных вариантов размещения иконы не предложили.

⁶⁵ РГИА. Ф. 502. Оп. 1. Д. 812. Л. 111; Д. 1044. Протоколы. Л. 58.

⁶⁶ Фриз Г. Губительное благочестие: религия и политический кризис в предреволюционной России // Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: Сб. ст. СПб., 2019. С. 186.

в это время, «нарастающее отчуждение от монархии»⁶⁷. Повседневность Исаакиевского собора в самом конце XIX столетия (богослужения, реставрационные работы, создание мозаичных копий живописных икон) не знала прямых вмешательств монархов. Внимание преемников Александра II к собору в этот период едва уловимо. Историк Р. Уортман отмечает, что убийство 1 марта 1881 г. «разрушило образ Петербурга как собственного города императора», «Петербург остался столицей, но это был Петербург без знаков своей исключительности, лишенный харизмы. Церемонии и торжества, отличавшие столицу, утратили свою символическую силу. <...> Как только императорское покровительство стало сомнительным, кварталы массивных правительственных зданий лишились своей священной ауры. Теряя смысл своего существования, Петербург стал призраком в мире символистов, означающим без означаемого»⁶⁸. Схожие метаморфозы происходили и с Исаакиевским собором. Храм-памятник превращался в храм, его внутреннее убранство — в сугубо церковное. Потенциал Исаакия как инструмента символической политики вновь востребованным окажется позднее — в годы Первой русской революции.

Информация о статье

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, соглашение № 21-48-04402 от 17.11.2020 «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

Автор: Любезников, Олег Анатольевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, Orc ID 0000-0003-3086-0696, Scopus ID 57219053706, SPIN-код 8644-2149, Author ID 713421; e-mail: o.lyubeznikov@spbu.ru

Заголовок: Интерьер Исаакиевского собора в XIX веке: метаморфозы символического послания

Резюме: В статье рассматривается процесс изменения символического значения интерьера петербургского Исаакиевского собора на протяжении XIX в. Строившийся по проекту французского архитектора О. Монферрана собор, посвященный святому Исаакию Далматскому, день памяти которого совпадал с датой рождения Петра Великого, своим внутренним убранством символически обосновывал идею неразрывного единства православия и монархии. Символическое послание интерьера храма соответствовало идеологической программе царствования Николая I. Украшающие собор росписи, мозаики, рельефы содержали изображения святых, соименных членам династии Романовых. Символическая связь представителей императорской фамилии и изображенных святых подчеркивалась в делопроизводстве во время строительства собора и в его официальном описании. Автор статьи, обращаясь к архивным и опубликованным источникам, поставил своей целью проследить, изменялось ли и почему это «прочтение» интерьера. Процесс постепенного угасания предложенной еще Монферраном модели интерпретации символически нагруженного убранства коррелировал с изменениями в системе заведования собором. Пока все работы в интерьере собора находились под контролем министерства внутренних дел, образ храма-памятника династии Романовых оставался неприкосновенным. Убийство Александра II и развернувшееся соперничество различных групп правительственных консерваторов привели к пересмотру системы заведования собором, к появлению подконтрольного Святейшему Синоду Хозяйственного Управления и усилению роли настоятеля и клира в вопросах оформления храма. Происходившие в 1880-е – 1890-е гг. в интерьере собора изменения (появление новых икон, хоругвей) все более соответствовали его сугубо церковной интерпретации и, по-видимому, отражали в тот период еще только намечившееся, подспудное размежевание Православной церкви и российского самодержавия.

⁶⁷ Фриз Г. Церковь и политика на закате императорской России: кризис и радикализация православного духовенства // Фриз Г. «Губительное благочестие»...

⁶⁸ Wortman R. Moscow and Petersburg: The Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881–1914 // Wortman R. Russian Monarchy: Representation and Rule. Boston, 2013. P. 175–176.

Ключевые слова: Исаакиевский собор, символическая политика, Николай I, О. Монферран, Е. В. Богданович, интерпретация, история культуры

Литература, использованная в статье:

Ананьев, Виталий Геннадьевич. К семиотике создания Исаакиевского собора // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 289–295.

Ананьич, Борис Васильевич; Ганелин, Рафаил Шоломович. Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881–1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России: Сборник статей памяти Бориса Александровича Романова. Ленинград: Наука, 1971. (Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. Вып. 12). С. 299–326.

Догадаева, Елена Викторовна. «...Заведение таковое усугубит славу государя и государства» // Кафедра: Сборник научных статей. Вып. IV. Исаакиевский собор между прошлым и будущим. Санкт-Петербург: [б. и.], 2008. С. 347–369.

Друзин, Михаил Викторович. Е. В. Богданович: Общественный деятель пореформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 91–101.

Дубенцов, Борис Борисович. М. Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880–1881 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. С. 63–69.

Зайончковский, Петр Андреевич. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. Москва: Издательство Московского университета, 1964. 511 с.

Каулен, Мария Елисеевна. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. Москва: Луч, 2001. 163 с.

Лихачев, Дмитрий Сергеевич. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. Москва: Наука, 1985. С. 17–23.

Любезников, Олег Анатольевич. Исаакиевский собор: Малоизученные вопросы истории создания храма (по новым архивным данным). Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2015. 72 с.

Малинова, Ольга Юрьевна; Миллер, Алексей Ильич. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: Сборник статей / Под ред. Лапина, Владимира Викентьевича; Миллера, Алексея Ильича. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. С. 7–37.

Озуф, Мона. Пантеон: Эколь Нормаль мертвых // Франция — память / Нора, Пьер; Озуф, Мона; де Пюинмеж, Жерар; Винок, Мишель. Санкт-Петербург: СПбГУ, 1999. С. 151–185.

Полунов, Александр Юрьевич. Победоносцев: Русский Торквемада. Москва: Молодая гвардия, 2017. 335 с.

Пресняков, Александр Евгеньевич. Николай I. Апогей самодержавия // *Пресняков А. Е.* Российские самодержцы. Москва: Книга, 1990. С. 261–305.

Стогов, Дмитрий Игоревич. Черносотенцы: Жизнь и смерть за великую Россию. Москва: Алгоритм, 2012. 672 с.

Толмачева, Наталия Юрьевна. Исаакиевский собор. Санкт-Петербург: Паритет, 2003. 256 с.

Трофимов, Сергей Владимирович. Семантическое поле Петропавловского собора (к постановке проблемы) // Краеведческие записки. Исследования и материалы. Вып. 2: Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. Санкт-Петербург: Акрополь, 1994. С. 38–55.

Уортман, Ричард С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. Москва: ОГИ, 2002. 608 с.

Фриз, Грегори. Губительное благочестие: Религия и политический кризис в предреволюционной России // Фриз, Грегори. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: Сборник статей. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 182–231.

Фриз, Грегори. Церковь и политика на закате императорской России: Кризис и радикализация православного духовенства // Фриз, Грегори. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи: Сборник статей. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 55–89.

Шуйский, Валерий Константинович. Огюст Монферран. История жизни и творчества. Санкт-Петербург; Москва: МиМ-Дельта, Центрполиграф, 2005. 414 с.

Kelly, Catriona. Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 413 p.

Wortman, Richard. Moscow and Petersburg: The Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881–1914 // Wortman R. Russian Monarchy: Representation and Rule. Boston: Academic Studies Press, 2013. P. 170–198.

Information about the article

The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 21-48-04402 «Saints and heroes from Christianization to Nationalism: Symbol, Image, Memory (Nord-West Russia, Baltic and Nordic countries)».

Author: Lyubeznikov, Oleg Anatolievich — PhD in History, Senior Lecturer, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, Orc ID 0000-0003-3086-0696, Scopus ID 57219053706, SPIN-code 8644-2149, Author ID 713421; e-mail: o.lyubeznikov@spbu.ru

Title: The Interior of St. Isaac's Cathedral in the 19th century: metamorphoses of symbolic message

Summary: The article discusses the process of changing the symbolic meaning of the interior of St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg during the 19th century. The cathedral, built according to the design of the French architect O. Montferrand, dedicated to St. Isaac of Dalmatia, whose memorial day coincided with the date of birth of Peter the Great, symbolically substantiated the idea of the inseparable unity of Orthodoxy and the monarchy with its interior decoration. The symbolic message of the interior of the temple corresponded to the ideological program of the reign of Nicholas I. The paintings, mosaics, reliefs decorating the cathedral contained images of saints named after members of the Romanov dynasty. The symbolic connection between representatives of the imperial family and those depicted saints was emphasized in documents about building works and in the official description of the cathedral. Referring to archival and published sources the author of the article set his goal to trace whether and why this «reading» of the interior changed. The process of gradual extinction of the model of interpretation proposed by Montferrand correlated with changes in the system of managing the cathedral. While all the work in the interior of the cathedral was controlled of the Ministry of the Interior, the image of the memorial church of the Romanov dynasty remained inviolable. The assassination of Alexander II and the unfolding rivalry between various groups of government conservatives led to a revision of the system of managing the cathedral, to the emergence of an Economic Administration controlled by the Holy Synod and strengthening the role of the rector and clergy in the design of the temple. Occurring in the 1880s–1890s changes in the interior of the cathedral (the appearance of new icons, banners) more and more corresponded to its purely church interpretation and, apparently, reflected (at that time the still emerging, latent) demarcation between the Orthodox Church and the Russian autocracy.

Keywords: St. Isaac's Cathedral, symbolic policy, Nicholas I, O. Montferrand, E. V. Bogdanovich, interpretation, cultural studies

References:

- Ananyev, Vitaliy Gennadyevich. K semiotike sozdaniya Isaakiyevskogo sobora [On the semiotics of the creation of St. Isaac's Cathedral], in *Dialog so vrememem*. 2011. Vol. 35. Pp. 289–295. (in Russian).
- Ananich, Boris Vasilyevich; Ganelin, Rafail Sholomovich. R. A. Fadeev, S. Yu. Vitte i ideologicheskie iskaniya «okhraniteley» v 1881–1883 gg. [R. A. Fadeev, S. Yu. Witte and the ideological quest of the «right-wingers» in 1881–1883], in *Issledovaniya po sotsial'no-politicheskoy istorii Rossii*. Leningrad: Nauka Publ., 1971. (Trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii SSSR. Vol. 12). Pp. 299–326. (in Russian).
- Dogadayeva, Elena Viktorovna. «...Zavedeniye takovoye usugubit slavu gosudarya i gosudarstva» [«This institution will aggravate the glory of the Sovereign and the State»], in *Kafedra*. Vol. IV. Isaakiyevskiy sobor mezhdru proshlym i budushchim. St. Petersburg: [s. n.], 2008. Pp. 347–369. (in Russian).
- Druzin, Mikhail Viktorovich. E. V. Bogdanovich: obshchestvenniy deyatel' poreformennogo vremeni [E. V. Bogdanovich: Public Figure of the Post-reform Period], in *Rossiyskaya istoriya*. 2020. No. 1. Pp. 91–101. (in Russian).
- Dubentsov, Boris Borisovich. M. T. Loris-Melikov i «okhraniteli» v 1880–1881 gg. [M. T. Loris-Melikov and the «right-wingers» in 1880–1881], in *Stranitsy rossiyskoy istorii: Problemy, sobytiya, lyudi: Sbornik statey v chest' Borisa Vasilyevicha Ananicha*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2003. Pp. 63–69. (in Russian).
- Freeze, Gregory. Gubitel'noye blagochestiye: religiya i politicheskii krizis v predrevolyutsionnoy Rossii [Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in Late Imperial Russia], in Freeze, Gregory. *«Gubitel'noye blagochestiye»: Rossiyskaya tserkov' i padeniye imperii*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2019. Pp. 182–231. (in Russian).
- Freeze, Gregory. Tserkov' i politika na zakate imperatorskoy Rossii: krizis i radikalizatsiya pravoslavnogo dukhovenstva [Church and politics in Late Imperial Russia: Crisis and radicalization of the Orthodox Clergy],

- in Freeze, Gregory. «Gubitel'noye blagochestiye»: Rossiyskaya tserkov' i padeniye imperii. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2019. Pp. 55–89. (in Russian).
- Kaulen, Mariya Elisseyevna. *Muzei-khramy i muzei-monastyri v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti [Museum-temples and museum-monasteries in the first decade of the Soviet power]*. Moscow: Luch Publ., 2001. 163 p. (in Russian).
- Kelly, Catriona. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 413 p.
- Likhachev, Dmitriy Sergeyeovich. Gradozashchitnaya semantika Uspenskikh khramov na Rusi [City protection semantics of Assumption churches in Russia], in *Uspenskiy sobor Moskovskogo Kremlya: Materialy i issledovaniya*. Moscow: Nauka Publ., 1985. Pp. 17–23. (in Russian).
- Lyubeznikov, Oleg Anatolievich. *Isaakiyevskiy sobor: Maloizuchennyye voprosy istorii sozdaniya khrama (po novym arkhivnym dannym) [St. Isaac's Cathedral: Little-studied issues of the history of the creation of the temple (according to new archives)]*. St. Petersburg: LEMA Publ., 2015. 72 p. (in Russian).
- Malinova, Olga Yuryevna; Miller, Aleksey Ilyich. Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Introduction. Symbolic politics and the politics of memory], in *Simvolicheskkiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Evrope*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press, 2021. Pp. 7–37. (in Russian).
- Ozouf, Mona. Panteon: Ekol Normal mertvykh [Pantheon: Ecole normale of the Dead], in Nora, Pierre; Ozouf, Mona; de Puymezh, Gerard; Winok, Michel. *Frantsiya — pamyat'*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 1999. Pp. 151–185. (in Russian).
- Polunov, Aleksandr Yuryevich. *Pobedonostsev: Russkiy Torquemada [Pobedonostsev: Russian Torquemada]*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2017. 335 p. (in Russian).
- Presnyakov, Aleksandr Evgenyevich. Nikolay I. Apogey samoderzhaviya [Nicholas I. Apogee of the autocracy], in Presnyakov, Aleksandr Evgenyevich. *Rossiyskiye samoderzhtsy*. Moscow: Kniga Publ., 1990. Pp. 261–305. (in Russian).
- Shuyskiy, Valeriy Konstantinovich. *Ogyust Monferran. Istoriya zhizni i tvorchestva [Auguste Montferrand. History of his life and creativity]*. St. Petersburg; Moscow: MIM-Delta Publ., Tsentrpoligraf Publ., 2005. 414 p. (in Russian).
- Stogov, Dmitriy Igorevich. *Chernosotentsy: Zhizn' i smert' za velikuyu Rossiyu [The Black Hundreds: Life and Death for the Great Russia]*. Moscow: Algoritm Publ., 2012. 672 p. (in Russian).
- Tolmacheva, Nataliya Yuryevna. *Isaakiyevskiy sobor [St. Isaac's Cathedral]*. St. Petersburg: Paritet Publ., 2003. 256 p. (in Russian).
- Trofimov, Sergey Vladimirovich. Semanticheskoye pole Petropavlovskogo sobora (k postanovke problemy) [The semantic field of the Peter and Paul Cathedral (to the formulation of the problem)], in *Krayevedcheskiye zapiski. Issledovaniya i materialy*. Vol. 2. Petropavlovskiy sobor i Velikoknyazheskaya usypal'nitsa. St. Petersburg: Akropol Publ., 1994. Pp. 38–55. (in Russian).
- Wortman, Richard. Moscow and Petersburg: The Problem of Political Center in Tsarist Russia, 1881–1914, in Wortman, Richard. *Russian Monarchy: Representation and Rule*. Boston: Academic Studies Press, 2013. Pp. 170–198.
- Wortman, Richard S. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii [Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy]*: In 2 vols. Vol. 1. Ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I [From Peter the Great to the Death of Nicholas I]. Moscow: OGI Publ., 2002. 608 p. (in Russian).
- Zayonchkovskiy, Petr Andreyevich. *Krizis samoderzhaviya na rubezhe 1870–1880-kh godov [The Crisis of the Russian autocracy at the turn of 1870–1880]*. Moscow: Moscow State University Press, 1964. 511 p. (in Russian).